

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ

— Валерий Александрович, как рано почувствовали вы жажду к музыке?

— Жадую к музыке ощутил еще в раннем детстве. По матери я — волжанин, по отцу — воложанин. Отец погиб в августе сорок первого и похоронен под Ленинградом. Жили с мамой в деревне, и тогда, после войны, заниматься там музыкой возможностей, естественно, не было. Поигрывал для себя — на балалайке, гармошке... А оказавшись в детском доме, впервые увидел рояль, ноты, услышал необыкновенные фамилии: Шопен, Моцарт, Бетховен — все это меня как-то заворожило... Даже стал сочинять музыку, хотя нот не знал, а просто рисовал их: нравился сам процесс рисования нот. Но однажды учитель пения объяснил взрыв нотной грамоты, и я сочинил и записал первую свою песню — на стихи Генриха Гейне «Красавица рыбка...». С той поры Гейне стал одним из самых любимых моих поэтов...

— Можно ли высказать предположение, что именно тогда вы родились как композитор?

— Ну, что вы... Осознанно к своему сочинительству стал относиться довольно поздно. Музыки было написано уже много, но считать себя композитором еще не мог. Это произошло, только когда пришло какое-то первое понимание жизни и того, как человек в этой жизни высказывается — то есть, как проявляется в поступках, чувствах, размышлениях. И в музыке — тоже. Потому что музыка — это необходимый дар, без которого нормальный человек жить не может. Он дан так же, как умение мыслить, как потребность работать... Когда понял, как человеческая жизнь проявляется в музыке и чем музыка является в жизни, открыл для себя очень важную истину: музыка — это не только то, ЧТО звучит, но и то, РАДИ ЧЕГО звучит, ЧТО стоит

Валерий ГАВРИЛИН:

«ЧТО ЗА МУЗЫКОЙ...»

Встретиться с Валерием Гаврилиным непросто, потому что работает он чуть ли не круглые сутки (это — не для красного словца, а почти буквально). А потом появляется музыка, о которой Михаил Ульянов сказал: «Горькая и озорная, бесшабашная и ядовитая, широкая и пронзительная, как человеческий крик». Лауреат Государственной премии РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола, заслуженный деятель искусств РСФСР... А в жизни этот уже именитый, ни на кого не похожий композитор очень прост, сдержан и удивительно обаятелен...

И вот наконец мы беседуем с ним.

за этим звучанием... Поясню это лишь одним примером.

Как уже упоминал, детство провел в послевоенной деревне. Мужчин там почти не было. И вот обездоленные войной женщины по вечерам собирались и пели: «Хаз-Булат удалой...», «Имел бы я золотые горы...» — в общем, все то, что музыковеды дружно называют пошлятиной, мещанством... А я с годами понял: неважно, ЧТО эти женщины пели, важно, ЧТО они хотели спеть. Женское сиротство, женская обездоленность — это большое национальное несчастье, и в этих песнях они выражали свою мечту... Так вот, когда осознал для себя это, сам как композитор стал искать такую музыку, стал искать жизненно правдивую ситуацию и

сопоставлять ее с тем, что слышал...

— Вспоминаю вокально-симфоническую поэму «Военные письма» и некоторые другие ваши произведения, хочу высказать предположение, что эта тема женской судьбы, искореженной войной, стала главным переживанием вашей жизни. Если такое ощущение справедливо, то тогда — как композитор Гаврилин определяет для себя свою главную тему?

— Да, плач вдов, их горькие, безутешные песни, которые слышал в вологодской деревне, — это всегда во мне. И позже, в детском доме, меня окружали тоже только женщины, причем чаще всего такие, по которым война прошла жестоко.

А тема моя традиционна для всего русского искусства. Полтора-два десятилетия назад ее бли-

стательно выразил Пушкин: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...» Хотя строки и хрестоматийны, но убежден, что каждый творческий человек должен до этой мысли, до этой великой истины дойти самостоятельно.

— Потому что с открытия этой истины начинается художник вообще...

— Безусловно. Но тут хочу добавить: художник начинается с ощущения личной обязанности по отношению к своему народу. Эта мысль может показаться банальной, но, когда ее выстрадал, справедливость такого утверждения ощущаешь остро... Да, добро начинается лишь тогда, когда ты начинаешь ощущать себя частицей своего народа. Возникает каждоднев-

ное, постоянное чувство обязанности работать честно, ощущать человеческую боль... Когда-то Александр Трифонович Гвардовский резко отозвался по поводу поэтов, которые, выходя в жизнь, сразу начинают писать для своих коллег... Так вот, в музыке это, по-моему, — наше главное несчастье. Некоторые композиторы сумели убедить слушателей, да и друг друга тоже, что музыка — искусство сложное, непонятное, что для его постижения непременно требуется специальное образование. И спят за сей эстетический бастион. Пишут друг для друга, для «специалистов»... Порой их не только народ, но даже коллеги не понимают. А некоторые искусствоведы стараются найти этому и объяснение, и оправдание...